

СЛЕДУЯ ЗА МЫСЛЯМИ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА...

Илья Фейнберг. «Читая тетради Пушкина». Издание второе. Издательство «Советский писатель». 1981. 432 стр. 1 руб. 80 коп.

Мир России, 1982, 29 окт.

РАДОСТНО и горько читать эту книгу. Радостно — потому что, читая ее, погружаешься вместе с автором и благодаря ему во внутренний духовный мир гения русской литературы, в святая святых его творчества. И горько — от сознания того, что книга эта вышла после смерти ее автора. Тем более горько, что, судя по последним по времени написания работам, И. Фейнберг намечал многое еще сделать, видел открывающегося нам историей «нового» Пушкина, предупреждал, что «требуются гут усилия историков, усилия филологов, чтобы этот «новый» Пушкин стал нам доступен».

«Намечал», «видел», «предупреждал» — горько писать о выдающемся ученом в прошедшем времени... И все же, как сказал Жуковский: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были».

«Были», отнесенное к пушкинистам такого типа, как И. Фейнберг, неизбежно наполняет сердца их читателей «благодарностью». Ведь это благодаря И. Фейнбергу мы имеем возможность сегодня читать «Историю Петра I» как пушкинское творение. Он распознал и доказал, что обнаруженная пушкинская рукопись — не простой конспект исторических источников, как думали другие, но начало самостоятельной работы художника, выражающего в ней свою историческую и свою творческую концепцию.

А хрестоматийные пушкинские строчки: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»? Мало того, что долгое время после смерти поэта они печатались в искаженном виде. Более полувек на пьедестале опекушинского памятника Пушкину в Москве вместо пушкинской: «Что в мой жестокий век восславил я свободу» — была выбита строка, не имеющая к Пушкину никакого отношения: «Что прелестью живой стихов я был полезен» (соответственно, чтобы зарифмовать это, были переставлены местами слова в другой пушкинской строке: «И долго буду тем народу я любезен»). И в том, что справедливость восторжествовала, немалую роль сыграла работа И. Фейнберга о пушкинском «Памятнике», вернувшая стихотворению его подлинный смысл.

А прадед Пушкина, знаменитый крестник Петра Ганнибал?

Образ и биография арапа Петра Великого оставались непроясненными и загадочными до того времени, когда И. Фейнберг сумел решить загадку — разыскал и прочитал рукописную книгу самого Ганнибала, обратил внимание на записи в расходных книгах Петра, доказал, что Пушкин читал страницы Сен-Симона о пребывании Петра в Париже.

Или такой фант. Пушкин, как следовало из опубликованного письма к нему, должен был получить и прочитать записки о России некоего доктора Куне. Кто такой Кун? Долго ломали над этим голову исследователи Пушкина и не находили ответа, так что редакторы Большого академического издания сочинений Пушкина вынуждены были сопроводить вопросительным знаком имя этого иностранца и даты его рождения и смерти. И снова загадку решил И. Фейнберг, обратившийся к первоисточнику. Оказалось, что речь в нем идет не о докторе Куне, а о докторе Куне!

То есть и до И. Фейнберга много раз читали ту же рукопись. Но И. Фейнберг сумел прочесть ее правильно, сумел восстановить истину.

Скажут: а так ли уж это важно — определить, чью именно книгу читал Пушкин? Очень важно! Ибо это проясняет наше понимание великого поэта, обогащает наше представление о нем, дает возможность постичь пушкинскую мысль во всей полноте и объеме. Много раз на протяжении своей книги И. Фейнберг подчеркивает это обстоятельство. «Это всего только один клочок, — пишет он, к примеру, о сохранившихся на бумажном обрывке нескольких пушкинских словах, — но на этом клочке содержится историческая концепция Пушкина, его историческое обобщение о роли Петра I, о роли русского самодержавия после Петра».

И то обстоятельство, что научная книга читается как занимательное повествование, предопределено, можно сказать, тем, что в своих поисках, в своем методе исследования И. Фейнберг идет за Пушкиным, который как раз это и засвидетельствовал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (выделено мной. — Г. К.).

Пушкин, как всегда, точен: это наука, требующая, как всякая наука, особого дара, призвания.

И еще — читатель книги убедится в этом — был ее автор очень скромным человеком, для которого важно было не просто сказать свое, но различить истину.

Геннадий КРАСУХИН